

Максим Горький

Свободные дни



Максим Горький

Свободные дни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624055

Аннотация

«Пётр Иванович проснулся, вздохнул и тревожно протянул руку к часам, висевшим на стене, в головах у него. Но в следующий момент рука его лениво упала на постель и на лице явилась довольная улыбка, довольная и даже несколько саркастическая. Потом он сладко зевнул и потянулся под одеялом, думая о том, как девять лет непрерывной канцелярской работы крепко укоренили в нём привычку просыпаться по утрам с тревожной мыслью, что он проспал, опоздал на службу...».

Максим Горький

Свободные дни

Этюд

Пётр Иванович проснулся, вздохнул и тревожно протянул руку к часам, висевшим на стене, в головах у него. Но в следующий момент рука его лениво упала на постель и на лице явилась довольная улыбка, довольная и даже несколько саркастическая. Потом он сладко зевнул и потянулся под одеялом, думая о том, как девять лет непрерывной канцелярской работы крепко укоренили в нём привычку просыпаться по утрам с тревожной мыслью, что он проспал, опоздал на службу.

Вот и сегодня, несмотря на то, что он получил отпуск и может спать сколько хочет, он проснулся с этой обычной дрожью испуга, разрешавшегося обыкновенно торопливостью, раздражением на всех и вся и поспешным бегством в правление, куда он приходил всегда вовремя и где пользовался репутацией аккуратнейшего человека.

Пётр Иванович повернулся на бок и посмотрел на окна, залитые ярким солнцем весны. На окнах стояли горшки с цветами, а среди них помещались разные предметы, роль которых заключалась совсем не в том, чтоб служить украшением подоконников. Зачем тут бутылка с бензином и гряз-

ный медный подсвечник? А также эти коробки, остов игрушечной лошади, китовый ус, очевидно, выдранный женой из лифа и приставленный к стеклу?.. Нехорошо. Люди идут по улице и видят – экий удивительный порядок в квартире у Сазоновых... Да, надо будет сделать жене замечание по этому поводу... В деликатной форме, конечно. Нужно, чтоб в доме было чисто и уютно, ибо дом есть место отдыха для труженника-мужа, утомляемого ежедневной работой на семью и... и т. д. Дойдя в своих мыслях до этой фразы, которую ему стало лень окончить, Пётр Иванович начал потихоньку свистать сквозь зубы и думать о том, как распределит и чем займёт он свой первый свободный день.

В комнатах было тихо, а со двора доносился высокий голос кухарки Дарьи, которая убедительно говорила кому-то: – Мордовская твоя образина, сколько разов я тебя честью, по-христиански, просила – вози раньше! Понимаешь – детей по утрам мы купам.

Пётр Иванович понял, что мордовская образина – водовоз, а Дарья ругает его за то, что он поздно привозит воду. Дарья любит порядок и довольно сносно готовит, хотя она груба, как ломовой извозчик. Это надо принять к сведению. И вообще надо заняться домом. В сущности, он совсем не знает, как идут тут дела и какой царит порядок. Ему некогда заниматься этим – с девяти часов до трёх он в правлении, в четыре часа обед, после обеда часика два отдыха, в пять чай, от шести до девяти вечерние занятия, в девять к

кому-нибудь на винт – так прожито целые девять лет. Были, конечно, экстравагантные события, нарушавшие эту установившуюся жизнь – роды, крестины, – это пять раз повторялось, – смерть тёщи, болезнь жены, холера, смерть двоих детей, пожар у соседей, кража из чулана припасов, заготовленных к рождеству, поездка в Москву для получения наследства в количестве 729 рублей, доставшихся на долю жены после смерти её отца. Довольно много событий для такого времени, как девять лет. Все они вводили за собой в жизнь известные волнения, утомляли, потом переживались и забывались.

И снова жизнь текла тихо и мирно. Всё шло, как следует в порядочной семье, – жена любила его, Петра Ивановича, так же, как и накануне свадьбы. Разумеется, бывали ссоры, но несерьёзные. Дети были здоровы и послушны, служба не обременяла и не обманывала его скромных надежд, вознаграждение он получал вполне достаточное для содержания такой семьи, было и нечто отложенное на чёрный день. И постоянно занятому своей работой и своим винтом Петру Ивановичу казалось, что он стоит на крепкой почве и жизнь его идёт в надлежащем порядке, как и следует идти жизни каждого приличного человека.

Сделав этот маленький смотр своей жизни, Пётр Иванович стал одеваться, снова думая о том, чем бы ознаменовать первый день отпуска. Во-первых, нужно устроить обед по-лучше, во-вторых... вечером составить у себя винтик с вы-

пивкой. А между утром и обедом следует сводить ребятишек на прогулку. Вот это будет хорошо! Забрать их и отправить-ся в поле за город.

Удовлетворённый, Пётр Иванович умылся и вышел в столовую, набросив на плечи серый халат, сделавший его, Петра Ивановича Сазонова, похожим на пациента городской больницы.

В столовой кипел самовар, было много солнца и какого-то вкусного запаха.

– Дарья! – позвал Пётр Иванович, но никто не отозвался ему. Возвысив голос, он крикнул ещё раз, – тогда слышался где-то топот детских ножек, и тонкий голос Коли, среднего сынишки, закричал:

– Дарья, иди, тебя папа зовёт!

– Коля! – крикнул Пётр Иванович. Коля явился; это был худенький человечек, лет шести от роду. Плечи у него были острые, грудь узенькая, лицо бледное и серые глазёнки – нервные.

Он остановился у стола против папы, окинул его быстрым, любопытным взглядом, потом взял молочник со стола, сунул в него нос и разочарованно вздохнул.

– Ну, что ж ты не поздравляешь меня с добрым утром? – спросил его отец.

– Сегодня не праздник, – ответил Коля, отрицательно мотнув головой. Петр Иванович понял, что хотел сказать мальчик, – дети видели его по утрам только в праздники, и

вот поэтому Коля не считал себя обязанным поздравлять отца с добрым утром и в будни. Пётр Иванович объяснил ему, что он неправ. Тогда Коля выдвинул ещё аргумент.

– Я наказан, – сказал он, хмуря бровки.

– За что? – осведомился Пётр Иванович.

– За то, что Володька отколотил меня, – сообщил Коля.

– Этого не может быть, это ты говоришь неправду...

– Нет, правду, – возразил Коля на уверенный тон отца и, схватившись ручонками за край стола, поехал под стол, скользя ногами по полу. За ним поехала со стола скатерть, прихваченная его пальцами, загремела посуда. Пётр Иванович вскочил и, удерживая скатерть, громко крикнул:

– Ах ты... оставь!

Но Коля уже треснулся затылком о пол, вскочил на ноги и, обеими руками потирая голову, смотрел под стол, очевидно, соображая, как всё это случилось с ним. Пётр Иванович читал ему нотацию, размахивая рукой над его головёнкой, а в дверях стояла Дарья и сочувственно кивала головой.

– Такие они озорные... – начала она, улучив момент, когда Пётр Иванович сделал паузу.

– Оставь! Где барыня?

– У нижних стояльцев... Володя с Колей подрались с ихним-то мальцом, ну, барыня и пошли...

– Уходи... мне ничего не надо... – сухо прервал барин её доклад. Дарья обиделась, повернулась, заворчала и пошла, громко шлёпая по полу какой-то допотопной обувью. Пётр

Иванович обернулся к сыну. Тот исследовал пальцем внутренность молочника и испуганно бросил его на стол, когда отец громко крикнул:

– Колька! Кто тебе позволил?

В то же время Пётр Иванович думал про себя, что жена довольно-таки плохо воспитывает детей и что нужно будет поговорить с ней по этому поводу. А Коля, растерянный и испуганный, засунул палец в рот и стал пробираться к двери.

– погоди! Иди сюда... расскажи мне, зачем ты и Володя побили Алёшу? Ну? Как это вышло?

Тон отца был суров, и Коля решил, что для него гораздо лучше будет, если он разревётся. Он так и сделал, опрометью бросившись вон из столовой, но наткнулся в дверях на мать, уцепился за её платье и, кутая им свою голову, кричал благим матом.

– Ведь я уже наказала его... – недовольно сообщила мужу Варвара Васильевна, стоя в двери и глядя сына по голове.

– Позволь... – начал было Пётр Иванович.

– И тебе не нужно было вмешиваться. Ведь ты не знаешь, кто прав...

– Ты неправ... я, во-первых, никого не наказывал...

– Но почему же ребёнок бежит от тебя сломя голову?..

– Это уже дело твоего воспитания...

– Ах, боже мой! Какой педагог!

Она повернулась в дверях и вышла. Пётр Иванович изумлённо посмотрел ей вслед. Вот совершенно неожиданный

диалог! Пётр Иванович думал встретиться с женой честь честью, сообщить ей о планах дня и вообще, так сказать, насладиться у семейного очага. А тут вдруг такая сцена... Очевидно, жену раздражило объяснение с Зиминными по поводу этой драки. Нужно примириться. В результате этих маленьких перипетий чай Петра Ивановича остыл, а сам Пётр Иванович проникся смутным чувством недовольства, и у него исчезло желание совершить прогулку с детьми.

Нужно было занять это время чем-нибудь другим. Привычка к работе сказывалась в чиновнике. Итак – чем же наполнить время до обеда? И Пётр Иванович задумчиво потёр лоб.

В дверь заглянула мордочка его второго сына Володи. Это был восьмилетний бутуз с толстыми щеками, всегда возбуждавший у своего отца мысль о том, почему он, первенец, такой здоровый, толстый, спокойный, а Коля – хилый, нервный. А Лиза, – так та, кажется, родилась специально для того, чтоб хворать...

– Ну, иди сюда, Волька... – ласково позвал Пётр Иванович своего любимца. Тот пошёл, медленно шагая и оглядывая отца несколько подозрительно... – Здравствуй... драчун. Ты зачем подрался с Алёшей?

Володя ткнулся головой в грудь папы и солидно заявил:

– Он первый начал... Он толкнул Колю, а я заступился...

– Ишь ты, рыцарь какой... – одобрительно произнёс Пётр Иванович, но тотчас же сообразил, что говорить так с маль-

чиком нельзя – это звучит как поощрение к дальнейшим дракам.

– Всё-таки ты не должен был драться...

– А он бы побил Колю... и меня...

– А ты бы пошёл к его маме и сказал ей, что он дерётся, то есть ты должен был пойти к своей маме...

Пётр Иванович несколько смешался, к которой из двух мам всего удобнее пойти в таком случае?

– А! Вы, кажется, преподаёте ребёнку уроки ябеды? – раздался голос одной мамы из соседней комнаты. Пётр Иванович вздрогнул и несколько взволновался...

– Выдь, Володя...

И когда сын, любопытно оглядываясь, вышел и спрятался за дверь столовой, чтобы послушать, о чём будут говорить папа с мамой, – папа начал речь по направлению к невидимой маме:

– Матушка! Да ты сегодня совершенно невозможна... Если ты вообще нервная женщина – так зачем же злоупотреблять-то этим свойством?

– Пожалуйста, без остроумия... Это вы изволили встать сегодня левой ногой с постели... запугали ребёнка до истерики, другого учите бог знает чему и даже кухарку...

– Даже и кухарку оскорбил! Однако я порядочный изверг... если всё это не игра твоего воображения...

Он старался быть сдержанным и спокойным, а это сердило жену. Она, с распущенными волосами и в белой кофте,

расстёгнутой на груди, явилась на пороге столовой и, презрительно посмотрев на него, заявила:

– Вы захлёбываетесь злостью... Вы воображаете себя в своей канцелярии, да?

– Ва-аря! – ужаснулся Пётр Иванович. Он терпеть не мог, когда его правление называли канцелярией. Его не столько сердила, сколько изумляла жена, он никогда не видал её такой злой и нелепой. И, глядя ей в лицо, он искал успокаивающих слов, думая в то же время – что с ней? Раньше вся его домашняя жизнь шла «на скорую руку», и даже ссоры носили характер торопливости и недосуга... Но не может же быть, чтобы она дожидалась свободного времени с целью излить на него всё накопленное ею недовольство и раздражение?

А она стояла в дверях и, взвинчивая сама себя, оскорбляемая его покорностью и недоумением, отражённым на его лице, – изливалась. Она несла положительно какую-то чепуху, но крайне злую чепуху. Он пытался остановить её, успокоительно произнося:

– Варя! Послушай! Варюша... Варвара...

Но это не действовало на неё. Тогда вдруг он вскипел, вспыхнул и, вскочив со стула, ударил по столу кулаком и крикнул:

– Прошу зам...молчать!

Она вздрогнула, и лицо её стало синим. Широко открыв глаза, она медленно произнесла:

– Да-а? Вот как? – и, многозначительно кивнув головой, исчезла.

Пётр Иванович снова сел за стол. Дышалось ему тяжело, в висках стучало, и на языке вертелись грубые, оскорбительные слова. Он чувствовал, что всё происшедшее в это утро в высшей степени нелепо, и в то же время понимал, что за этой нелепостью есть какая-то законность существования. Это ещё более злило его.

Пришла горничная убирать посуду, и Пётр Иванович отправился в сад, не желая видеть ни детей, ни жену и полный ощущения какой-то тяжёлой тревоги. Там, пройдя в беседку, он сел на скамью, пытаясь восстановить пред собой лицо жены, каким оно было когда-то. Но ему не удавалось это – жена являлась пред ним такой, какова она была теперь. И – странное дело! – он не видел в ней ничего красивого, ничего интересного. Худое, нервное лицо, с большим ртом, лоб узенький, рот большой, зубы чёрные.

И вдруг его поразила странная мысль. Ведь он совершенно не знает её, матери его детей! О чём она думает, чего хочет, каковы её взгляды на детей и на всё? Ему положительно не приходило в голову узнать от неё все это. Некогда всё как-то было говорить об этом с ней. Вкусы её ему известны – он знает, что она любит крепкий чай, мучное, молочное и сладкое, а мясо ест очень неохотно. Любит крепкие духи, яркие цвета... А верует она в бога?

Ходит в церковь иногда, не часто, но как верует? А сам

он...

И, перейдя к самому себе, Пётр Иванович нашёл себя, к своему крайнему изумлению, каким-то новым. Это смутило его. И он долго искал в себе то, что когда-то, во дни юности и университетской жизни, было в нём... Но что это было? Где это чувство? От него остались какие-то уродливые обрывки, и по ним ничего нельзя было восстановить. Он сидел, широко открыв глаза, и, думая о всём этом, в то же время чувствовал, что его как бы тянет куда-то вниз – точно он скользит, подталкиваемый тяжестью, опустившеюся ему на плечи.

Не раз мимо него пробежали дети, но, видя, что он так неподвижен, не смели зайти в беседку. Потом его звали к обеду. Он отказался. Когда горничная спросила:

– Прикажете мне накормить детей?

– А барыня?

– Оне ушли с утра ещё...

– Ну хорошо...

Он чувствовал, что надо бы сдержаться и не подавать прислуге вида, что ему так не по себе, – но не мог сдерживаться. А в голове всё рождались новые, странные мысли. Это было какое-то нападение на него, нападение врасплох.

– Это от непривычки к безделью, – решил он. – Надо чем-нибудь заняться.

Но ничем не занялся, а так и сидел до вечера, уныло понуриив голову, осаждаемый этими новыми мыслями, точно заблокированный ими.

– Что случилось, собственно говоря? – ставил он себе вопрос и, пожимая плечами, решал его: – Ничего ровно не случилось! Поссорился с женой – экая важность!

Но этот ответ был только формальностью и ничего не исчерпывал собой. Очевидно, что что-то случилось... или должно было случиться? Поёживаясь от ощущения внутреннего холода, Пётр Иванович встал, несколько раз прошёлся по саду и хотел войти в дом. Но остановился у садовой калитки и не пошёл, не желая видеть жены. Он решил, что ему её надо обдумать, так сказать. В течение этих девяти лет он, в сущности, и не думал над ней.

Потом его позвали к вечернему чаю. Узнав, что барыня ещё не пришла, он пошёл и напился чаю с булками, а потом отправился в свою комнату, лёг там на диван и стал смотреть в небо через отворённое окно. В небе всё было тихо и спокойно, и Пётр Иванович несколько успокоился.

«Пройдёт!» – подумал он сквозь дрему, охватывавшую его понемногу своими мягкими объятиями. Потом он заснул. Так дурно он провёл свой первый свободный день.

На другой день Пётр Иванович встал с чувством лёгкого недомогания, с тяжёлой головой и с тоскливым ощущением в груди. В детской плакала Лиза болезненным, надрывающим душу плачем хилого ребёнка. Жена порой резко вскрикивала – очевидно, всё ещё не в духе и ругается с няней.

«Зачем рождаются и живут больные дети?» – морща лицо, подумал Пётр Иванович, и тотчас же ему стало стыдно этой

мысли. Уж, конечно, не дети виноваты в том, что они мало-жизненны...

Идти в столовую Петру Ивановичу не хотелось. Там встретишься с женой, и она вновь, наверное, устроит сцену в возмездие за его вчерашний крик. Положительно, она вчера проявила что-то особенное, чего раньше он не замечал в ней. Нужно будет серьёзно поговорить с ней. В сущности, в доме очень мало порядка – хоть бы эта бутылка с бензином в спальней на окне...

Дети воспитаны плохо, особенно Колька... Пожалуй, он, Пётр Иванович, был груб вчера, но ведь это она же сама виновата. И, ободривши себя такими мыслями, Пётр Иванович стал умываться. Но в умывальнике, как на грех, не хватило воды, и с лицом в мыле он начал звать горничную.

– Паша!.. Паша!..

Мыло щипало ему глаза. Снова послышался болезненный плач Лизы и раздражённый голос жены.

– Палагея, чёрт возьми!

Она явилась, наконец, и, взглянув на неё одним глазом, он увидел, что лицо у неё обиженное и злое.

– Воды... вы не знаете вашего дела?

– Да разорваться мне, что ли? Там Лизонька...

– Воды, я вам сказал!

Она ушла и долго не приносила воды, а он стоял пред умывальником, строя злые гримасы, с лицом в мыле, – и, чувствуя, что он смешон, ещё более злился. И когда, умытый и

причѐсанный, он вышел в столовую, – в нём бродило глухое раздражение против всех. Оно ещё более усилилось, когда он увидел, что самовар уже потух, а на столе налито.

– Палагея! – зычно крикнул он.

Но пришла жена. Лицо её и вся фигура выражали угнетение и привычку к страданиям, не заслуженным ею. Это окончательно взорвало Петра Ивановича.

– Послушай, – скорбным и умоляющим тоном заговорила она, – укроти ты себя, ради бога!.. Лиза только что заснула, она больна, вдруг ты кричишь, как в лесу... Ведь так ты делаешь детей уродами.

– Они уже со дня рождения уроды, потому что родились в мать... – отрезал Пётр Иванович.

Варвара Васильевна зло и сухо блеснула глазами.

– Вы можете оскорблять меня, но я прошу – пощадите детей.

– Дальше-с... Продолжайте вашу комедию...

– Ты... злой дурак!..

...Минут пять Пётр Иванович просидел как бы в оцепенении. «Что это творится?» – стучало у него в голове. Сквозь всё зло и тоску ему всё-таки было ясно, что всё происходящее – совершенно бессмысленно, и он чувствовал, что ему стыдно самого себя. И в то же время ему казалось, что всё это законно, что, собственно, так и следует, и его пугала эта мысль. Это, пожалуй, даже и не мысль была, а предчувствие, ощущение. Торопливо выпив свой чай, он со скукой огля-

нулся вокруг и решил, что лучше ему опять уйти в беседку, как это сделал он вчера. К своему неудовольствию, даже к испугу, в беседке он встретил жену.

Она сидела, облокотясь о стол, плакала и вытирала лицо платком. Глаза у неё были красные, опухли, и вся она была какая-то растрёпанная и жалкая. Когда он вошёл в беседку, она быстро встала ему навстречу и окинула его презрительным взглядом. Он хотел посторониться и пропустить её, но вдруг, повинувшись внезапно вспыхнувшему в нём чувству, схватил её за руку и глухо сказал:

– Подожди, Варвара...

Она рванулась от него, молчаливая и злая.

– Подожди же! Нам нужно поговорить серьёзно... – Тон его слов был так внушительен, что она остановилась и с любопытством, плохо прикрытым деланным бесстрашием, спросила его:

– Что вы хотите?

– Сядем... – сказал он.

Она поколебалась и села за стол, он сел против нее и молчал, волнуясь и не зная, с чего начать ему разговор...

Она исподлобья следила за ним, делая вид, что не обращает на него внимания. Наконец ему показалось, что он нашёл нужные слова, и вот он начал говорить:

– Так жить нельзя...

Но когда он произнёс это, – он вспомнил, что уже не раз говорил ей так. И он с беспокойством взглянул на неё, думая,

что она, наверное, считает его глупым за эти повторения. Но она, утвердительно кивнув головой, обиженно бросила ему:

– Конечно, нельзя...

Он легко вздохнул.

– Если и ты видишь это, – тем лучше, скорее мы поймём друг друга. Мы люди не первой молодости... да. Нам нужно договориться... Что такое происходит у нас? Я положительно поражён... Что у тебя за настроение? откуда оно? что ты имеешь против меня? Наконец...

– Хорошо! – воскликнула она. – Хорошо! – Обратив к нему лицо с оскаленными зубами, она измеряла его фигуру враждебным взглядом. – Рассуди сам... Как я живу? Ты думал об этом? да? Нет, конечно. О жёнах не думают... Они возятся всю свою жизнь с няньками, с кухарками, с больными детьми, всю жизнь! Их компания – их прислуга. Я вот и живу так. Я девять лет молчала... всё смотрела, что же будет дальше? Я убила здоровье. Истрепала нервы... Скажи мне, это ради чего же всё? Ради того, чтоб был вовремя готов тебе обед... чтоб тебе жилось спокойно... всё для тебя... всё ради тебя... а я? а я? Я последний год много думала... зачем же я жила и какое же удовольствие от такой жизни? Я изжилась... стала больна... стара и некрасива – ради чего? Детей? А что я... что я могу сделать для них? Они меня не слушают, тебя никогда нет дома, а когда ты дома, ты спишь или составляешь винт... Ты совсем как чужой всем... ты хозяин... а я твоя служанка, да? Ну, так я не хочу этого!

Он был оглушён потоком её слов, отрывистых и истеричных. Она говорила, точно рыдала.

Когда-то давно он слышал всё это, не от неё и в более строгом изложении. Но – откуда это у неё? Быть может, она читала книги за последнее время? Она никогда не любила читать, но со скуки, быть может, читает теперь?

Он не замечал у неё книг. А не Зими́на ли втолковала ей такие выцветшие идеи? Она, эта Зими́на, – книжница и фари́сейка и в большой дружбе с женой, кажется...

– Послушай, Варя, – что ты говоришь? Точно ты девочка из этих... либеральных... Ведь и я же работаю, ведь и моя сила уходит и... вообще я не понимаю тебя! Откуда ты взяла всё это? Кто тебе внушил, что я деспот и проглотил твою жизнь... ведь это же смешно! Это недостойно порядочной женщины, так рассуждать. Остается ждать, что ты предложишь развод.

Какая нелепица!

– Мне это жизнь внушила, жизнь изо дня в день! – крикливо говорила Варвара Васильевна.

– Позволь! ты потише... не кричи на всю улицу. Ну, ты подумай...

– Я думала уже – благодарю.

– Да чего ж ты хочешь, наконец? – с раздражением вскричал он.

– Чего? чего? – зачастила она и вдруг умолкла. Чего она, в самом деле, хочет? Ей дурно живётся, это знает каждый

фибр её существа, она утомлена вознёй с детьми и хозяйством, и ей очень хотелось бы пожить как-нибудь иначе, отдохнуть, отдышаться от этих затхлых буден, от однообразных и скучных дней её существования. Но, мечтая об этом, она никогда не рисовала себе иного положения реально и практически. Как, собственно говоря, можно бы жить иначе? Ближе к мужу и дальше от развращающих душу дрызг? Какие ещё формы может принять жизнь женщины? Она не знала этого. К тем богачкам, что разъезжают по улицам в колясках, бросив детей на руки бонн, – она относилась презрительно, считая их ветреницами и ставя себя выше их. А какая ещё есть жизнь у женщины? Этого она не могла представить себе и не представляла ни раньше, ни теперь.

– Чего я хочу? – со слезами и злобой в голосе спрашивала она. И ей было крайне стыдно не уметь сказать мужу, чего она хочет.

– Эх, ма-атушка-а! – иронически вытянул он. – Дуришь ты, вот что я тебе скажу, да! И не идёт это к тебе – подумай-ка, ведь тебе тридцать пятый!

– Нет, я знаю! Знаю!

– Ну-с? Чего же?

– Свободы! Отдыха! – истерически крикнула она.

– Свобо-оды? Это какой же? Чтобы по-французски...

– Пошляк... вы пошляк!

Она исчезла. И опять Пётр Иванович долго сидел, ошеломлённый её криком. Да что же это, наконец, что? Проис-

ходит какое-то крупное недоразумение, смешное, водевильное, и в то же время тяжёлое, отвратительное. Дул ветер, и деревья сада мятежно шумели, как бы в унисон настроению человека, вдруг выбитого из колеи. Пётр Иванович старался разобраться в хаосе своего настроения.

«В сущности, она безусловно во всём виновата, – думал он, ища себе оплота. – Это действует бальзаковский возраст... несомненно. Она просто бесится. А я – козёл отпущения, это уж постоянная роль мужей... да. Она своротила с истинного пути всякой порядочной женщины в область каких-то диких фантазий и всё отбросила... дети не воспитаны, прислуга груба, в доме хаос... Например, – эта бутылка с бензином в спальней на окне! Чистое безобразие!.. Нужно думать, что всё это влияние Зиминой... А вот взять да и сослать Зиминых с квартиры?»

Но он вспомнил, что с Зимиными заключён контракт и что они вообще хорошие постояльцы.

Несколько минут спустя он думал уже о том, что соль события лежит где-то глубже влияния Зиминой. Потом ему стало обидно. Чего она орёт о свободе и отдыхе? Разве он не нуждается в этом? Разве он до тридцати трёх лет не бился, как рыба об лёд, для того, чтобы устроиться, разве после женитьбы, в течение этих девяти лет, он не работал, как вол, стараясь свить прочное семейное гнездо? И свил и... – что же? Остаётся спокойно жить и пользоваться жизнью, и воспитывать детей. А тут эти бутылки на окнах... общий беспо-

рядок жизни, дикие фантазии, смешные жалобы, сцены, беспричинная злоба. И всё это сразу, вдруг. Точно кто-то давно уже подстерегал Петра Ивановича Сазонова и вдруг выпустил на него целый вихрь разнообразных пошлостей, как бы мстя ему за что-то. «Отдыха!» Он сам давно хочет этого отдыха – ему уже сорок два года, пора! Он достаточно работал, создал благосостояние, пожертвовал ради этой работы всей своей молодостью, затратил на неё все свои силы.

Внезапно Петра Ивановича поразила одна странная мысль. Он всё устраивался, устраивал жизнь, а... жил ли он? То есть можно ли и следует ли ему признать эти вечные заботы и труды для создания себе прочного положения и приличного состояния, – следует ли это признать за жизнь? Разве она такая, и именно в этом весь её смысл и все удовольствия, всё её значение и цель? Неужели он только для того родился и жил, чтобы только приготавливаться к жизни? А ведь он, в сущности, не жил, а только всё устраивался, нацеливался и работал, ужасно много работал...

Пётр Иванович смущённо улыбался, глядя в сад из беседки и хрустя пальцами. Не может этого быть! Все же так живут, и нет ведь никакой иной жизни, более широкой и полной? Он не ошибся и жил как следует, как все... Но только... всё работа и всё стремление накопить на чёрный день, и теперь вот близка старость. Вся жизнь прошла в работе... это верно. Но ведь в этом и цель жизни человека? И средства и цель – конечно!

А однако это странно устроено... Жить – для чего? Чтобы работать... Работать для чего? Чтобы жить... Получается нечто совершенно правильное.

Но это нечто хотя и было совершенно правильно, однако Пётр Иванович почувствовал, что от этой правильности веет холодом и тоской, тяжёлой, гнетущей душу тоской. И, потом, был как будто бы какой-то просмотр с его стороны, он чувствовал, что что-то из его души он не пустил в дело, чем-то не воспользовался, заморил в себе или незаметно для себя понемножку и без толку растратил, растерял некоторое ценное, живое и светлое чувство. Смутно вспоминая своё прошлое, дни своей юности, он восстанавливал какое-то особое трепетное биение своего сердца, биение, приносившее с собой особенные мысли, чувства и слова.

Но это было так давно – с той поры прошло почти уж четверть века, и ясно Пётр Иванович не мог себе представить, в чём было дело. Помнил он, что это что-то некогда было для него правдой, потом он признал, что это детские мечты, и изгнал их из своего обихода. А потом забыл про них в работе.

И теперь он чувствовал себя не в состоянии восстановить их. А в них, очевидно, было что-то сильное и вообще хорошее, ибо хотя он и не помнил их, но ему было жалко их, и чувство грусти охватило его. Неужели в них именно был настоящий смысл жизни?

«Однако... однако! – вытирая пот со лба, думал он, возвращаясь к действительности, – это просто навождение ка-

кое-то! точно полоса какая-то, совершенно новая полоса жизни... Что это за отрывок прошлым? Зачем?»

Сквозь ветви деревьев сада была видна стена дома, балкон, окна. Вон жена стоит у одного окна и, кажется, поливает цветы. Н-да... цветы, растения, и за ними есть уход со стороны людей, и живут они просто, без ошибок, без дум, сомнений и всякой меланхолии. А человек с душой и с разумом... Но Пётр Иванович не кончил параллели, чувствуя, что она не удаётся ему.

А всё-таки хорошо быть растением и стоять в комнате на окне. Покойно, поливают водой, следят за ростом, берегут... дают в меру света и влаги... В меру света! А что человеку – в меру его сил и его способностей дано света или не в меру?

«Господи помилуй! Ведь я же в философию ударился!» – мысленно воскликнул Пётр Иванович. Он всегда терпеть не мог философии и философов, и ему было очень стыдно, когда он самого себя уличил в этом бессмысленном занятии. Он решил взять себя в руки и твёрдо поставить на почву действительности.

Что ему нужно сделать, и как поступить с женой? Пойти к ней и, приласкав её, помириться с ней? Гм?.. Нет! Она зазнается очень. Не разговаривать с ней, пока она сама не заговорит? Господи! Какая это будет тоска! Нет, надо дорожить отпуском, не следует портить его, их не часто дают, отпуски-то... Как бы это устроиться?

Ба! Уехать к сестре в деревню! Конечно! Самое лучшее!

А как это оглушительно подействует на жену. И ещё следует сказать ей что-нибудь на прощанье, – например так:

«Вот, сударыня, я уезжаю от вас к сестре отдыхать... Да-с, отдыхать еду. Ибо в семье, которую я создавал в поте лица, в продолжение десяти лет, – мне нет возможности отдохнуть!»

Благодарю вас – это именно вам я обязан таким милым положением!»

Решив так, он торопливо встал и спешно пошёл в дом. Он спешил потому, что, несмотря на твёрдо принятое им решение, он боялся не выполнить его. У него в груди копошилось что-то грустное и острое, и какая-то неоформленная, тяжёлая мысль вертелась в голове.

– Палагея! Принесите мой чемодан и уложите в него всё что следует... Я уезжаю... – строго скомандовал он. Мимо него во всю прыть промчался Коля. В детской кашляла Лиза...

Жена, должно быть, была там...

Пётр Иванович постоял в коридоре, восстанавливая в уме свою речь, приготовленную для жены, и потом пошёл к себе в кабинет... Там уже горничная возилась с чемоданом... Пётр Иванович сказал ей, что нужно положить, и вышел в столовую. А против него в дверях гостиной стояла Варвара Васильевна с деревянным лицом.

Пётр Иванович выпятил вперёд грудь и сделал строгое и оскорблённое лицо.

– Вот, сударыня, – заговорил он искусственно глухим и

дрожащим голосом, – я уезжаю от вас отдыхать к сестре... Ибо в семье, которую я десять лет создавал в поте лица, – мне нет возможности отдохнуть...

Жена, широко раскрыв глаза, смотрела на него, и на её губах играла презрительная усмешка.

– Благодарю вас, ибо это именно вы гоните меня вон... – закончил Пётр Иванович уже совершенно искренно.

– Вы... вам действительно нужно проветриться. Вы выживаете из ума... С богом!..

Помучайте кого-нибудь другого, кроме меня... – спокойно ответила жена и ушла...

Пётр Иванович хотел что-то ещё сказать ей, но махнул безнадёжно рукой и вновь ушёл к себе... Там, при виде Паши, таскавшей в чемодан вещи, его охватило зло и ему страшно захотелось крикнуть ей:

«Пошла вон, дура!»

Но он сдержался и стал готовиться к отъезду, полный злобы и тоски.